

Нас не догонят

Оливия Элизабет Хамфри

Дите даже выделили комнату в этом убогом лагере. Она, правда, больше была похожа на коробку, чем на комнату, но на роскошные апартаменты она даже не рассчитывала. Долго бродить по территории ей не разрешили, загнали в корпус уже через час после наступления темноты, словно она была каким-то ребенком, которому спать положено ложиться в девять и ни минутой позже.

Кровать оказалась жесткой и неудобной, постельное белье неприятно пахло стиральным порошком, и Дита, сначала плотно укрывшаяся, вскоре сбросила его на пол. До того момента, как она легла, спать хотелось невероятно, однако сейчас глаза попросту не закрывались и она, кажется, уже часа два пялилась в потолок.

Отсюда надо сматываться - это ясно, как божий день. Только, наверное, это будет не очень просто. И ждать глупо. Ничего не изменится, никто даже не пытается объяснить, что произошло и как она тут оказалась. И, раз здесь ей никто помочь не может, она будет искать ответы в другом месте.

Дита рывком поднялась с кровати, оделась в темноте и подошла к двери, чуть приоткрыла её и заглянула в щель. На душе было погано, и животе что-то сжалось от страха. Но терять ей нечего. Просто не хочется думать о том, как отреагируют все на её побег.

В коридоре светила только тусклая лампочка, все двери были закрыты, и откуда-то слева отчетливо доносился мужской храп. И всё, как будто ни живой души. Оливия бесшумно выскользнула из комнаты, не забыв закрыть за собой дверь. По стеночке направилась туда, где, кажется, был выход на улицу. Осторожно заглянула за угол, убедилась, что никого нет и благополучно дошла до двери на улицу. Сердце колотилось просто бешено, Дита чувствовала, что ему будто бы мало места в грудной клетке.

Осторожно приоткрыла дверь, быстренько придумав себе оправдание, если поймают. Забыла, где находится туалет, искала. Звучит не слишком правдоподобно, но вдруг они подумают, что она просто не очень умная?

На улице, опять же, никого не было, однако стоило ей забежать за ближайший ящик, как из-за угла вывернули два мужчины. У них в руках были фонари, они то и дело оглядывались, и Дита даже подумала, что им явно не хватает автомата за спиной. Потом, правда, решила, что они и без автоматов достаточно сильные. Не стоит забывать про магию.

Памятуя о собственных супер слухе и обонянии, девушка старалась не шевелиться и даже не дышать. Лишь когда патруль скрылся за углом, она выдохнула, а до этого думала, что попросту задохнется.

Вокруг было достаточно тепло, и Дита решила, что пантере проще будет пробираться среди кустов и темных углов. Правда, целых пять минут ушло на то, чтобы отыскать в себе эту возможность. Она просто не могла понять, что нужно делать для того, чтобы превратиться. В конце концов, образ кувшина с темной жидкостью появился в голове как-то сам собой. В кувшине красный пузырь, который в какой-то момент ослабляет границы и пускает черную жидкость внутрь. Сознание подбросило очередной факт из прошлого: она превращалась с помощью этого

образа с самого начала, когда только начинала.

Боль практически оглушила её, правда, длилась всего несколько секунд. Огромного труда ей стоило не закричать и не зарычать. Она уже и забыла о том, как это больно. Или никогда не помнила. Несколько минут пантера просто лежала, пытаясь прийти в себя и отдышаться.

Оливия Элизабет Хамфри

Ограда по сравнению с остальными зданиями в этом месте была практически шедевром строительства. Высоченная, бетонные столбы с протянутыми рядами колючей проволоки. Ряды такие узкие, что в теории из кого-то получится мелко-нарубленное мясо. Такой ограде позавидовала бы любая тюрьма, а вдалеке Дита могла разглядеть вышку с людьми. Опять же без оружия, и этот факт совершенно не вписывался в обстановку.

Пантера замерла, забившись за мешки с картошкой, склад тут был совсем рядом с оградой. Нужно было придумать, как поскорее перемахнуть через ограду. Единственное, что приходило на ум: магия Воздуха. Нужно просто перелететь через проволоку. Но получится ли? Заметят ли? Тут уж походом в туалет не отмажешься.

Всё упиралось в один единственный факт: ей нечего терять. Кто не рискует, тот не пьет шампанское, так? Прижавшись почти вплотную к стене, Дита закрыла глаза и стиснула бы зубы, будь у неё такая возможность. На этот раз нащупать нужное ощущение оказалось проще. Она вновь на несколько секунд окунулась с головой в омут боли, а когда вынырнула, краем сознания заметила: в этот раз не так больно. Наверное, нужно просто настроиться.

Ночь была не очень ясной, по небу плыли облака, и месяц то показывался, освещая всё голубоватым светом, то скрывался, и света звезд не хватало, чтобы человек мог её увидеть. Но вот она, со зрением кошки, ориентировалась в темноте просто прекрасно, и даже сейчас видела, в какую сторону смотрит человек с вышки. Просто надо перемахнуть забор, когда отвернется. Но сначала воздух.

Девушка сосредоточилась на ощущении в горло, повела энергию к ладоням, откуда выпустила её и упругие потоки буквально воткнулись в землю, подкидывая её вверх. Пока что всего на полметра, так как это была проверка. А затем, когда человек отвернулся, она снова подкинула себя, но уже гораздо выше, а другим потоком подхватила собственное тело и бросила вперед. Последнее - поймать себя у земли. Со всеми манипуляциями она справилась отлично, но было одно но: слишком поздно она сообразила, что летит над оградой низко, так что здорово зацепилась ногой за колючую проволоку. Треск рвущейся джинсы и очередная вспышка боли. Черт, что-то подсказывало, что она должна управляться со своими способностями ловчее. Сейчас всё было какое-то деревянное и примитивное, Дита не могла управлять мелкими деталями своих способностей.

Нога болела сильно, но времени жалеть себя не было. Сознание услужливо поведало о том, что нужно использовать для снятия поли зеленую энергию, окрашенную в голубой, но не разбираться же с этим прямо сейчас, под носом у патрульных.

В очередной раз она превратилась и понеслась от ограды, что было мочи. Пантеру разглядеть в темноте было сложнее, чем человека, но как только месяц выглянет в очередной раз, её могут заметить. И нельзя убегать далеко от дороги, которая

связывала лагерь с... чем-то. Наверное, с другими людьми. Менее загадочными, как надеялась Дита.

Кажется, пронесло, и ей удалось убежать достаточно далеко, лагерь теперь был лишь темным бугром на горизонте. Только теперь девушка позволила себя вспомнить о ноге, которую поджимала, пока бежала. Превращение в этот раз было болезненнее, особенно в районе ноги. Дита откинулась на землю, потому что вся тряслась, и сердце пыталось покинуть грудь через ротовое отверстие. Это и усталость, и долгий бег, но самое главное - волнение. Она сама не могла понять, чего так сильно боялась.

Дита нащупала рукой свою царапину и взвизгнула, когда трясущимися руками случайно надела на неё пальцами. Значит, зеленая энергия окрашенная в голубой, да? А потом желтая, чтобы залечить, но на это попросту не было времени. В этот раз девушка решила не слишком стараться, а просто представила, как голубая энергия окутывает царапину, и боль отступает. Как ни странно, это сработало. Ужасно хотелось проверить, что же с ногой, но Дита не рискнула ковырять ранку грязными пальцами. Не болит, кровь не хлещет, и на том спасибо. Ощущение было такое, будто она пробежала марафон, однако пришлось встать и продолжить бег. Медленный, чтобы не устать, однако при каждом движении девушка подкидывала себя воздухом чуть выше и дальше, от чего шаги получались намного шире.

Какое-то время она бежала вдоль дороги, пока не наткнулась на место, где её пересекала железная дорога. Места были явно дикими, на дороге не было асфальта, просто две полосы от колес, а шлагбаумом даже не пахло. Создавалось ощущение, будто эти две полосы - дорога, который пользуются исключительно жители лагеря.

И Дита решила, что пойдет по железнодорожным путям. По деревянным шпалам, чтобы не оставлять следов, и чтобы не было видно, в какую сторону она пошла. Так как она понятия не имела, где находится, то выбрала путь наугад, просто свернула налево. Теперь нужно было продолжить бег и надеяться, что дорога приведет в город. Лишь бы он был близко...

Эль Рико Семпере

Два часа назад Рико заступил на дежурство, но вместо привычной вышки, где можно бы было даже присесть, чтобы провести на ногах не всю ночь, а хотя бы ее часть, ему досталось патрулирование. Шестьсот шагов вперед, потом поворот налево, еще восемьсот шагов, обойти пару картонных домиков, затем по тому же маршруту вернуться обратно, и так всю ночь, туда-сюда. Под утро начинает казаться, что готов сесть на землю прямо там, где стоишь, и терпеливо сносить все подгоняющие пинки и побои, лишь бы больше не видеть этой проторенной тропы, каждый шаг на которой - твой собственный, и ничей больше. Самое хорошее, что было в патрулях - это что тебе давали целых двенадцать часов на отдых, и в следующий патруль ты выходил снова ночью. Шесть дней в неделю, двадцать четыре дня в месяц, а ты топчешь одну и ту же тропу, внимательно рассматривая лагерь, который выучил уже наизусть за все то время, что провел тут. Рико ненавидел это место, как могут ненавидеть театр военных действий. Лучше бы это была война - где все просто и понятно - если он в тебя стреляет, значит он твой враг. Убей его, или будешь убит сам. Тут каждый целился тебе в спину. Нет ни друзей, ни врагов, ни союзников.

Каждый сам за себя, борется за выживание, словно дикий зверь выдирая от жизни кусок времени - еще один день для того, чтобы жить.

- Все чисто, - в очередной раз отчитался перед другими патрульными Рико, выслушал ответный отчет, развернулся и, привычно печатая шаг, отправился назад к начальной точке патрулирования. И снова восемьсот шагов, повернуть направо и шестьсот по прямой, не забывая бдительно следить за тишиной в лагере. И все же даже тут не было абсолютной тишины. Где-то гудели генераторы, где-то шуршали бумагой, в административном корпусе на первом этаже горел свет в нескольких окнах. Рико знал, что часть магов сейчас следит не только за лагерем, но и за ними тоже - за охраной, считая каждый их шаг и пристально обозревая каждое их движение. И кто-то из них сейчас сидит перед камерами в помещении охраны, готовый сразу же нажать сигнал тревоги, если что-то выйдет не так. Это не было тюрьмой в привычном понимании этого слова. Но тут свободы было еще меньше.

Рико как раз закурил, пользуясь тем, что камеры сейчас смотрят в другую сторону, а до второй пары патрульных еще три дня на собаках. Он вдохнул прохладный ночной воздух - ночами тут было нежарко, выпустил сизое облачко дыма в воздух и посветил фонарем в пространство между домами - на мгновение ему показалось какое-то движение. Но нет, просто порыв ветра ударил в фанерную стену одного из картонных домиков. Рико почему-то вспомнил сказку о волке и трех поросятах, ухмыльнулся, затушил сигарету и направился обратно к точке встречи двух патрулей. На весь путь отводилось определенное количество времени, и патрули должны были дожидаться друг друга в месте пересечения, чтобы произвести отчеты. Если какой-то патруль опаздывал, возникали дополнительные вопросы, а отвечать на эти вопросы приходилось перед командующим начальством. И не всегда они проходили безболезненно. Рико ускорил шаг, чтобы прийти вовремя, что оказалось весьма своевременным.

- Девчонка, она сбежала, - на одной придыхании выпалил второй патрульный, и Эль Рико почему-то сразу понял, о ком идет речь. Тут была только одна девчонка, которая могла бы сбежать.

- Caray! - не удержался Рико, не став пояснять высокое стилистическое значение этого испанского ругательства. Утром полетят головы. И его голова - в первую очередь. Нужно вернуть девчонку до наступления утра, иначе...иначе Рико даже не хотелось думать о том, что будет. Но ясно, что хорошо не будет никому. - Вы трое - со мной, возьмите собак, ты - предупреди охрану. Нам нужна машина, так мы ее не догоним.

Собирались быстро и слаженно. Рико не мог не восхититься решительностью девчонки, но и не мог не обругать ее за глупость. Оружие брать не стали, только пистолеты с транквилизаторами. Если они причинят ей какой-то вред, то им потом конкретно влетит, а себя Рико, как можно догадаться, очень любил. Особенно когда что-то угрожало его драгоценному здоровью. Загудел мотор, собак пустили впереди, машина поехала следом, не поднимая лишнего шума. До конца дежурства оставалось девять часов. Неизвестно, сколько времени назад она сбежала, как далеко успела уйти, но собаки возбужденно загомонили, напав на чужой след. Какое-то время они ехали по проселочной дороге, едва заметной в темноте. Свет фар слепил, автомобиль подпрыгивал на ухабах, пока не привел их к железной

дороге. Тут собаки потеряли след и засуетились кругами, жалобно и злобно повизгивая.

- Выключите фары, - велел Рико, на миг темнота практически оглушила его, навалившись со всех сторон, но постепенно видимость стала выше. Из-за облаков проступила луна, осветив пустое пространство на мили вокруг, и Рико вдруг показалось, что он увидел крохотную фигурку где-то на горизонте. Хотел бы он, чтобы это было именно так.

- La idiota, - едва слышно проговорил Рико, выходя из машины. - Заводи прожектор, поищем следы. Все вон из машины, носами в землю.

В ярости Рико едва не пнул попавшуюся под ноги собаку, наклонившись к самым шпалам. Остальные трое разбрелись вокруг, уткнувшись носами в землю вместе с псами, пока, наконец, слева кто-то не крикнул, что вроде бы что-то нашел. Рико подошел ближе, рассматривая едва заметные следы. Свежие - отпечаток ноги просматривается достаточно четко, насколько можно вообще судить в темноте. Рико загнал всех обратно в машину и велел ехать налево, молясь всем известным ему богам, чтобы они ехали в верном направлении. Если там и был какой-то населенный пункт, то дома в три-четыре, не больше. Охота начинается.

Оливия Элизабет Хамфри

Вы когда-нибудь были на охоте? А испытывали на собственной шкуре то, что испытывает зверь, на которого ведется охота? Это гулкий стук сердца, который ты слышишь в ушах, грудная клетка, которая дрожит в такт всё тому же сердцу, и дикий, пронизывающий каждую клеточку тела страх. Дита не помнила, была ли она на охоте раньше, но точно знала: она - охотник, а не глупая дичь, на которую можно охотиться. Это было странно, противоестественно, да даже дико, и всё существо её протестовало против такой нелепицы. И всё же ноги несли её вперед. Казалось, что она просто не может остановиться, задницей чувствует, что надо продолжать двигаться, иначе будет худо.

Это был животный страх, страх пантеры, что-то, что скорее инстинкт, чем осознанное чувство. И хуже всего то, что не с чем сравнить. Дита ощущала себя ребенком пяти лет, которого выпихнули во взрослый, сложный мир, и кругом эмоции, в которых она просто не может разобраться. То, что она чувствует. Этот страх. Он сильный или слабый? Возможно ли бояться сильнее? А может это просто пустяк, а ей кажется страшно, потому что ничего другого она не в состоянии вспомнить?

В какой-то момент девушка понимает, что буквально валится с ног от усталости. Пара минут отдыха - это ничего страшного, да? Она присела на пыльную землю, рядом с колючим кустом. Видимо, до того, как попасть в это место, она пренебрегала физическими нагрузками. Ну или очень много курила, потому что, кажется, пробежала не так уж много, а в груди всё гудело и горело.

Прикрыла глаза, сделала глубокий вдох и попыталась успокоиться, собрать мысли в кучку. И в какой-то момент поняла, что чувствует движение. Земля не была спокойной, она вибрировала, передавала движение. Что-то новенькое... Магия Земли - очередная подсказка услужливого сознания. Пара минут потребовалась Дите для того, чтобы разобраться с этими ощущениями и понять, что бегут животные, причем бегут в её сторону. И еще что-то совсем тяжелое, сложно

разобрать, что именно, но движется в ту же сторону. В её сторону.

Кажется, она никогда не бегала так быстро. По-крайней мере, никогда в этой новой жизни. Бежала, едва касаясь земли ногами, лишь за один прыжок оставляя позади себя несколько метров. Очень скоро впереди появились маленькие домики, видимо какое-то поселение, и Дита не раздумывая устремила к ним. Плевать, если это очередные враги. Если они спереди и сзади, а куда-то в другую сторону ей не уйти, значит лучше враги спереди. По-крайней мере, она не уверена в том, что они враги. Это действительно оказалось поселение. Самое обычно, состоящее из нескольких домиков, и всё вокруг было погружено в тишину. Дита, которая быстро поняла, что тут ей не удастся как следует спрятаться, едва не разрыдалась от бессилия. Неужели это всё? Это всё, на что она способна? Кто-то может удерживать её против своей воли, а она даже не сможет сопротивляться? Да лучше подохнуть...

Времени на размышления не так много. И Дита как раз нашла незакрытое окно. Бесшумно, так, как могут только кошки, она запрыгнет внутрь комнаты и сядет в углу, прямо напротив циновки спящих хозяев. Теперь только молиться кому-то тому, в кого она не верит...

Эль Рико Семпере

В любой другой бы ситуации Эль Рико испытал азарт, подобно тем псам, что то и дело порывались выскочить с заднего сиденья машины через открытый верх, чтобы самим поучаствовать в ловле дикого зверя, но сейчас он чувствовал только страх и усталость. Трудно быть постоянно начеку, готовиться к любой ситуации и ждать удара в спину. Трудно думать о том, что будет, если они ее не найдут. Вряд ли его просто так пристрелят на месте. Сначала ему дадут понять, где конкретно он будет не прав. И только потом, когда сочтут его раскаяние искренним, а мучения - достаточными, милостиво застрелят, как старую цепную собаку, неспособную больше нести свою службу. Эль Рико давно вырос из того возраста, когда собственная жизнь кажется бесконечной, жизнь в низах Барселоны, продолжительная служба в армии и работа в криминале давно выбили из него мысли собственном всемогуществе. Он боялся тех, кто сильнее его и никогда не недооценивал противника. Может быть поэтому до сих пор был жив.

Машина поднимала вязкие клубы пыли, оставляла после себя серый в темноте шлейф поднятого в воздух песка и выхлопных газов. Нервозность собак передавалась и Даниэлю, хотелось курить. Рико похлопал себя по карманам куртки, нашел зажигалку, но сигареты пропали. Видимо, выпали из кармана, пока он ползал мордой в землю. Эль Рико подавил желание на кого-нибудь наорать - в конце концов, он сам виноват, что прошляпил девчонку. Знал ведь, что нельзя оставлять ее без присмотра, но понадеялся на ее благоразумие. Как выяснилось, либо у женщин это качество отсутствует, либо отсутствует конкретно у этой особи женского пола. Сквозь густые облака вновь проступил клоч луну, осветил глиняные домики вдалеке - поселение располагалось чуть в стороне от железной дороги, выглядело довольно убого, но до него было еще добрых несколько километров. Если они ошиблись и уехали в другую сторону, если ей удастся пересидеть облаву в этом поселении, если...если, если, если...

Рико ненавидел это слово - оно отдавало гнилой ненадежной надеждой. Оно заставляло верить в хорошее, а потом эту веру ломало на куски, разрывая в клочья.

История не терпит слова если. Либо есть, либо нет. Третьего не дано. Он всерьез опасался, что его история закончится нынешним утром.

- Глуши мотор, близко не будем подъезжать, - велел Рико водителю, доставая из кобуры пистолет, заряженный дротиками с транквилизаторами. Почему-то ему казалось, что без боя она не сдастся и на этот раз. Глупая. - Выпускай.

Собаки заюлили кругом, снова взяв след, и у Рико даже отлегло от сердца - значит, они ехали верно, в том направлении. Псы рвали поводок, упираясь лапами в землю, и тянули за собой, роняя на землю капли слюны.

- Девчонку не трогать, если привезем хоть с синяком - поплатимся головами. Собак спускать только в крайнем случае. Обходим все дома тихо и быстро, местным вред не причинять, - да и не будут сопротивляться. Пару раз Рико с другими из охраны проезжали через пару деревень - местные жались к стенам, прятались в домах, стараясь не препятствовать вооруженным людям, способных применить грубую силу для достижения своей цели. Рико было противно от самого себя, глядя на испуганные лица, вспоминая злые взгляды, которыми жители провожали их в спины. Если бы взгляды могли убивать....

Рико приспустил поводок пакистанского мастифа, сделал знак парням, кивнув в сторону домов, и пошел вперед, к первому дому, следуя за псом. Тот, елозя носом в пыли, проигнорировал первый дом, второй, направившись прямо к третьему, одно окно было открыто. Поселок жил своей жизнью, тихо и мирно спал, и сейчас этой тишине настанет конец. Собаки рвались вперед, учуяв свою жертву, готовые рвать и терзать, только дай им волю, Рико на какую-то секунду прикрыл глаза, пытаясь оправдать свою жестокость исключительно необходимостью выживания. Каждый сам за себя, Дита, наверное, тебе придется это понять. И ты очень скоро это поймешь. Эль Рико отошел на шаг, вздохнул, и резко шагнул вперед, ударом ноги выбивая дверь. Раздался женский крик, заплакал ребенок, где-то в соседнем дворе залаяла собака, мастифы незамедлительно отозвались трубным рычанием. Пакистанец едва не вывернул руку из сустава, дернувшись вперед и увидев сжавшуюся в углу девчонку. С тишиной было покончено в мгновение ока.

Оливия Элизабет Хамфри

Домики были обустроены настолько примитивно, что Дита, сидя на земле, могла слышать и чувствовать всё, что происходит вокруг. Так, в частности, она чувствовала, как остановилось самое тяжелое из того, что её преследовало. Должно быть, машина, зато по направлению к домикам направились люди и собаки. Разумеется, у неё нет шансов против собак. С тем же успехом она могла бы прятаться на середине улицы. Сейчас она только добавила проблем людям, которые мирно спят в своих кроватях и не подозревают о том, что скоро в их дом вторгнутся. Но Дите не было их жалко. Она знала, что кошмар этих людей закончится, как только заведется мотор и машина отъедет от деревеньки. Её кошмар, похоже, не закончится уже никогда.

Дите кажется, что она перестала дышать. Вжалась в каменную стену с такой силой, что, кажется, еще одно движение, и камень позади начнет крошиться, лишь бы принять в свои объятия живое человеческое тело, которое так сильно хочет стать

его частью. Но конечно же она знала, что это её не спасет. Тело - один сплошной нерв, натянутый до неприличия, вот-вот порвется, стоит только задеть. Девушка решила, что в этот раз они так легко её не возьмут. И если нужно будет, она подожжет к чертям всю деревню, камня на камне не оставит, и в лагерь её увезут без сознания, и везти будут покалеченный, измученные люди.

Противники всё ближе и ближе, она могла их чувствовать. Страх - мерзкое чувство, которому противилось всё её существо. Дите не нравился страх, она не помнила ничего о себе, но точно знала, что никогда не была трусливым человеком. Человеком, который внушает страх - может быть. Но точно не девушкой, которая трясется где-нибудь в углу. Она, в конце концов, зверь, хищница. И сейчас на хищника была объявлена охота, травля, они гнались за ней так, как если бы это была самая обыкновенная охота на зверя.

Она прекрасно слышала шаги, хруст песка под ногами, тявканье собак, они нарушали тишину, но оказались какой-то мелочью по сравнению с гамом, который начался, когда дверь ударилась о стену, и собаки с лаем кинулись в её угол. Да, и правда, каждый сам за себя. И Дита, мысленно прося прощения у жителей дома, поднялась на ноги и выставила руки вперед. Каждый вдох - живительное топливо, которое было необходимо для огня, разгорающегося в груди. С каждым вдохом становилось сложнее терпеть жжение в районе живота, но у неё не было слишком много времени. Вдох, и с пальцем срывается пламя, в доли секунды превращаясь из слабых струек в широкий, смертельный столб. Девушка сжимает руки, и выбрасывает впереди себя еще больше пламени, где-то сбоку надрывается ребенок, впереди пищит собака, начинает вонять паленой шерстью.

А Дита ощущает себя зверем, которого загнали в угол. Вот только загнала она сама себя в это здание. Сердце бешено бьется в груди, в ушах звенит, и девушка упирается одной рукой в оконную раму, а затем подталкивает себя воздушными потоками, да вылетает наружу. Чтобы оказаться окруженной еще большим количеством врагов. За диким количеством адреналина в крови она едва замечает, что в её руке, чуть повыше что-то торчит. Дротик? Должно быть, её зацепило, пока она выпрыгивала в окно... Не задумываясь, Дита вытаскивает его из руки и откидывает в сторону, встает в защитную стойку и оценивает количество противников. Первый удар левой группе врагов. Девушка замахивается, посылая в ту сторону плоский диск из воздуха. Его скорость и форма такова, что он похож на металлический диск, по-крайней мере, разрезает попавшееся на пути точно так же. Жаль, что у противника есть свои воздушники, так что атаку нельзя назвать успешной. Зато они пользуются её секундным замешательством, и выбивают почву из под ног так, что Дита падает и больно ударяется копчиком о землю. Тело почему-то слушается плохо, тяжелое и неповоротливое. Девушка пытается поднять руку, чтобы отбросить приближающихся людей, но всё внимание сосредотачивается на том, чтобы руку вообще поднять. Толчками, рывками и диким усилием воли. Скорее краем сознания она понимает, что окружена, и вся земля сотрясается от шагов. Совсем близко.

Начинает ползти, назад, куда-то к стенке, из последних сил, пока не упирается спиной к стене здания и не понимает, что не может шевелиться. Голова еле соображает, глаза слипаются, просто невозможно держать их открытыми. Последнее, что девушка видит: смуглую физиономию Рико. - Я... убью тебя.

Эль Рико Семпере

Все закончилось так быстро, что Рико едва успел отреагировать на происходящее.

Его руки и сознание действовали автоматически, уже совершившийся выстрел из пистолета обозначился тонкой иголкой укола транквилизатором в плече беглянки, а свободная от поводка рука защитилась от огня с такой невозмутимостью, словно Рико только этого и ждал. Жар в животе потоком огня пробежался по левой руке, выставляя блок перед собой и отводя чужое пламя по обе стороны лица. И все равно Эль Рико на мгновение показалось, что волосы на висках затрещали, запахло паленым, и он не сразу понял, что весь огонь взял на себя бедный пакистанец, зашедшийся истощенным болезненным визгом. Рико разогнал посторонний огонь, открывая себе поле зрения, когда хлопнула оконная рама, и в воздухе мелькнула девчоночья нога. Произошедшее снаружи осталось для него тайной, потому как к тому времени, что он оббегал дом, Дита посылала ему проклятия в ицо. Если бы Эль Рико каждое обещание смерти превращал в хрустящие евро, то давно бы стал миллионером и выплатил свой долг.

- Dios! Vas a callarte?- рявкнул Рико на подвывающую внутри дома женщину, прижимающую к себе ребенка, чей вопль накладывался на остальные звуки, превращаясь в дикую какофонию, отдающейся стоном в висках. Женщина, как ни странно, его поняла, замолчала сама, всхлипывая и одной рукой размазывая по лицу слезы, а второй - зажимая рот младенцу. - Успокой ребенка и успокойся сама. Мы уходим и больше не будем вас тревожить, - прямо в открытое окно произнес он на ломаном фарси, черты которого на Ближнем Востоке переняли множество местных языков. Им приходилось достаточно много общаться с местным населением, чтобы научиться паре распространенных слов.

Трое патрульных, что он взял с собой, стояли на улице, Рико подозвал одного, отдал ему поводок (скорее, поводья) обожженного пакистанца и велел ждать возле машины. На единственную улицу из прилегающих домов высыпали местные, кутаясь в первую попавшуюся одежду, хмурые мужчины стояли с вилами и ножами в руках, но подходить не решались, пугаясь вида пакистанских мастифов, натасканных на то, чтобы жрать людей. Эль Рико раздраженно качнул головой, сдерживая желание поджечь всех к чертовой матери - но местных трогать нельзя.

- Ничего личного, Дита, - сказал он, опускаясь на корточки перед обмякшей возле стены, но вроде бы все еще находящейся в сознании девчонке. - Это моя работа, - он не уверен, что она его слышит и понимает, но это ему только на руку - она не будет лягаться и кусаться, пытаясь вырваться, а, значит, ее можно безопасно транспортировать. Безопасно для него самого, в первую очередь, потому что на руке все еще виден едва заросший след от ее укуса. Сейчас, сонная и вялая, она кажется маленькой, почти кукольно-игрушечной, за такой многие мужчины пойдут хоть на край света. Да что там таить - и Рико бы пошел, встретиться они в какой-нибудь иной ситуации, но сейчас у него на уме одна только работа и желание как можно быстрее оказаться на базе, чтобы исправить все совершенные нарушения. Он поднял ее на руки, пристраивая безвольное тело поудобнее, и понес обратно к машине, оставленной на окраине поселения.

- Добей, чтоб не мучилась, - помощившись от жалобного скуления пострадавшего пса, Рико мельком оценил полученный собакой урон и решил, что гуманнее будет застрелить животное, чем везти его обратно через половину пустыни в лагерь, где ей бы могли заняться врачеватели чуть более опытные, чем Рико. Скорее всего пес просто не переживет эту поездку. - Возвращаемся. И молимся богам, парни, чтобы

все завтра обошлось.

Оливия Элизабет Хамфри

В очередной раз девушка делает судорожный вдох, хватая ртом воздух, но легкие как-будто не случаются, сокращаются в пустую, заставляя делать новый вдох, еще один, затем еще один. Краем сознания она понимала, что такое происходит, если у тебя истерика. Но не знала, что делать, и даже если бы знала, вряд ли нашла бы в себе силы пошевелиться.

Можно было бы сказать, что физическая боль - ничто по сравнению с болью душевной. Но люди, которые избивали её буквально еще полчаса назад, сделали всё, чтобы она не могла так сказать. Потому что боль душевная была ужасна - в груди что-то рвалось, билось и крошилось, остатки гордости, остатки воли, остатки любви к свободе и к самой себе, всё было порвано в клочья, и каждый рванный клочок пульсировал болезненной вспышкой. Но физическая боль - еще хуже. Когда болит всё тело, горит и ноет, когда боишься пошевелиться, потому что не знаешь, сможешь ли пошевелиться, или так и останешься лежать неподвижно, переломанной калеккой.

Ей было щекотно. Слезы ручьем лились по вискам прямо к ушам, шее, но она этого даже не замечала. Не могли найти сил для того, чтобы поднять руку и вытереть их. Да и смысл? Она бы вытерла, а через пару минут наплакала бы еще больше.

По идее, где-то в ней должна была быть энергия, которая прекратит эти мучения, хотя бы физические. Но как Дита не пыталась, у неё не получилось погасить болезненные красные вспышки, которыми была испещрена практически вся её аура. Когда она попыталась создать воздушный поток, так же не произошло ничего. Должно быть, ей каким-то образом отключили все способности. Как тогда, в первый день, когда она только очнулась здесь. В принципе, логично. Если бы её избивали со включенными способностями, она бы пыталась защищаться или даже отбиваться. А так, выбора у неё не было. Сжаться в комок, прижать колени к животу, закрывая жизненно важные органы, закрыть руками голову. Всё это рефлекторно, без каких-либо мыслей, потому что после нескольких ударов они пропали совсем. Была только гудящая голова, пульсирующее тело, вдруг такое огромное, с таким большим простором для битья, и одно единственное желание, такое чертовски сильное, перебивающее все мысли и чувства: пусть всё побыстрее закончится. Закон пакости был в том, что пытка не кончалась очень долго. По-крайней мере, Дите казалось, что избивали её целую вечность.

Очередной судорожный всхлип, и девушка медленно переворачивается на бок, морщится и елозит, не может найти живого места на боку, такого, чтобы лечь и не болело. Пустым взглядом сверлит дверь. Все-таки не стоит забывать про боль душевную. Дите кажется, что она слабая и бесполезная. Она разочарована тем, что не смогла сбежать. Разочарована тем, что они так легко её схватили. Она надеялась оставить после себя гору трупов, и только затем принять поражение, а оставила всего одну сгоревшую собаку. Честное слово, лучше бы они её убили...

Эль Рико Семпере

На скуле вспух огромный лиловый синяк, морду перекосило, а один глаз казался больше другого. Его двенадцать часов смены подошли к концу, и он пережил несколько невероятных утренних моментов, каждый из которых оставил отпечаток

либо на его теле, либо на его лице. Болели ребра, но уже не так сильно, как ранним утром - большую часть собственных сил Рико потратил на то, чтобы проверить, нет ли серьезных переломов и посчитать, сколько трещин он получил в собственных костях. Переломов не оказалось, но ребра потерпели поражение, треснув в трех местах - пятое, шестое и седьмое, плюс внушительная гематома в области печени, расплывшаяся на половину туловища. Рико чувствовал себя односторонним, вынужденный дышать только с одной стороны, и передвигался по-крабьи, боясь лишний раз неудачно пошевелиться. Били аккуратно, но сильно - сколько-нибудь еще серьезных повреждений он не обнаружил, а, значит, так делали из чисто воспитательного расчета.

Эль Рико потрогал собственную щеку, поморщившись от боли, и приложил к синяку пресловутое холодное полотенце, надеясь, что так отек быстрее спадет. Во рту поселился вязкий металлический привкус. Самым правильным было завалиться спать и проваляться до самого вечера, пока не придет время заступать на новое дежурство. Но внутри ворочается некоторое странное чувство - какое-то чувство вины и заботы, ведь ему надо проверить, жива ли Дита. Ему было жаль ее, чисто по-человечески жаль, как бывает жаль человека, незаслуженно приговоренного к казни. Когда ты понимаешь, что его вины нет, но ничего не можешь делать - только сжимаешь в бессилии кулаки, стоя напротив эшафота. Остатки человечности легко уничтожить - ломай волю, ломай тело, и в итоге остается только пустая бездушная оболочка, не способная к появлению человеческих эмоций. И важно быть не сильнее этих экзекуций, важнее быть сильнее самого себя, чтобы сохранить хоть какие-то крохи жизни, ту яркую искру желания жить, что способна вытерпеть любые лишения.

Скула немеет от ледяной воды, и Рико чувствует, что может даже говорить, не испытывая при этом особых неприятных ощущений. Это ненадолго, но все лучше, чем ничего. Рико вдруг приходит в голову странная мысль - сейчас он похож на самого себя лет в восемь, когда заболел свинкой, и его шея и часть лица распухли до невероятных размеров. Это было так давно, что практически казалось нереальным.

- Эй, ты как? - вопрос риторический, но это все, на что хватает Рико, когда он после нескольких предупреждающих ударов в дверь, входит в комнату Диты. Замки на дверях только снаружи. В комнате царит полумрак, и Рико некоторое время привыкает к сумраку, силясь рассмотреть на кровати сжавшуюся в комок Диту. Что-то подсказывает, что она лежит именно там - и об этом ему говорит не только скрип пружин, но и едва слышные стоны, тщательно задавливаемые девушкой где-то очень глубоко внутри. Ей больно, и боль эту можно почувствовать физически.

Оливия Элизабет Хамфри

Рико был счастливчиком хотя бы в том, что понимал, насколько серьезные у него ранения. Дита же кроме боли ничего не чувствовала и, кажется, даже соображала с трудом. Не знала ни про трещины, ни про переломы, понятия не имела, насколько ужасно выглядит, и, наверное, еще недели-полторы старательно бы избегала зеркал, чтобы не пугаться лишний раз. По идее, ей нужно было бы пошевелить телом, проверить, насколько хорошо оно работает, чем вообще можно пошевелить. Но Дита даже этого не могла сделать, и это кидало её в очередную пучину истерики,

из которой ей уже как будто было не выбраться.

Ей жутко хочется пить. Во рту пересохло так, что языком не пошевелить, насколько он прилипает к небу. И да, всё тот же мерзкий привкус крови во рту. Она во рту как будто вместо слюны, но дискомфорта добавляет просто немерено.

- Х*ево, - после нескольких секунд размышлений, выплевывает Дита, остатками сознания понимая, что это слово очень грубое, матерное, однако как нельзя лучше подходит к её состоянию. Ей не ясно, зачем он пришел к ней и спрашивает о том, как она себя чувствует. Кроме того, она помнит, что обещала убить его. Сейчас, когда тело кажется таким маленьким и бесполезным, абсолютно беззащитным, такая угроза кажется нелепой и смешной. И Дита, наверное, от этого тоже бы ударились в слезы. Если бы не плавала уже. Слезы попросту не кончались. Не удивительно, что ей так сильно хотелось пить. Дело даже не в том, что пила она давно и было жарко. Дело в том, что воду она, блин, всю из себя выплакала.

Но упрямое создание поднимается, упирается руками в кровать и медленно поднимается, касается босыми ступнями теплого пола. В её воображении он был божественно холодным, остужающим, но её ждало горькое разочарование.

Поднимается и, шатаясь, идет к столику. На самом деле, еле доходит, но из последних сил делает вид, что держаться ей легко. Расправляет плечи и сжимает руки в кулаки, стискивает зубы и давит стон боли, но шарит ладонью по столу, в совершенно детском, дебильном желании что-то найти и что-то кинуть.

А самое ужасное: ей не хочется, чтобы кто-то уходил. Одинокая, избитая и перепуганная, разумом все-таки понимает, что Рико - единственное существо из тех, что она встречала и помнит, который разговаривает с ней по-доброму, пусть и является её врагом. Она может справиться с собой, когда здорова. Может ходить, задрав нос к потолку и строить из себя независимую. Ничего не получается, когда и тело и дух сломлены. Нужна почва для восстановления, совсем не время, которое лечит, но течет отвратительно медленно.

Шарит руками по столу, но так ничего и не находит. Поворачивает голову и видит комод, шаг в сторону, и, кажется, именно в этот момент кончается вредность, на которой она держалась до этого. Ноги подкашиваются, Дита больно ударяется об пол и теперь уже даже рыдания не может сдержать. Поскуливает и размазывает слезы по лицу. - Да будьте вы прокляты, - шепчет, не своим голосом совсем тихо, под нос, будто опасаясь, что кто-то может услышать и снова её ударить. И наконец, заветное: - Не уходи... - чуть громче, хотя нервы натянуты до предела и всё в голове взбесилось от возмущения. Как? Почему? Зачем? Как поспела предать сама себя и так себя унижить? - Не уходи, - уже чуть тверже, потому что он мог и не услышать её просьбу до этого. Ненавидеть себя, сжиматься от злости и унижения, но ощущать острую необходимость кого-то рядом. Наверное, это пресловутый инстинкт выживания.

Эль Рико Семпере

Эль Рико стоит возле самой двери, не делая попытки приблизиться все то время, пока Дита медленно, ужасающе медленно ползет к столику с непонятной самому Рико целью, что-то там нашаривает, ничего не находит, потому что стол девственно чист, на нем даже пыли нет, и, наверное, это самое обидное, а потом шагает к шкафу, но до своего пункта назначения так и не доходит. Рико не делает попытки ее поднять, только морщится от звука удара. Так и не поняв, что она хотела найти и

сделать, Рико как-то нелепо боком, здоровым, поворачивается в сторону, и так стоит, перекошенный на один край, потому что дышать ему больно, а печень, кажется, разрослась в два раза больше, чем обычно, и выпирает из тела.

Ему просто ее жалко, потому что ее сломали, как ненужную игрушку, вынули стержень, оставив мягкое тело, которое само по себе ничего не значит, методично уничтожили в ней дух сопротивления, запугали до сиплого шепота, когда даже слово боишься вслух сказать. была она такой сутки назад? Сутки назад она кусалась и металась, она готова была идти до последнего и биться насмерть, а сейчас? Сейчас она не может даже дойти самостоятельно до столика, чтобы по дороге не убиться. Рико слишком часто видел, как ломают людей - их привозят здоровых, уверенных в себе и своих силах, готовых биться, и начинают вынимать из них душу, оставляя озлобленных и опустошенных, готовых рвать горло любому, кто к ним приблизится. Их был целый лагерь ей подобных.

Он не уходит, как она просит, делает один шаг вперед, второй, опускается сначала на корточки, неловко и рвано, опасаясь потревожить треснутые ребра, чтобы не доломать их окончательно, потом садится прямо на пол, упираясь спиной в комод, пошатнувшийся от веса мужчины, морщится от дергающей боли в боку, переживает болезненную вспышку и отводит руку чуть в сторону, чтобы осторожно обнять девушку за плечо и привлечь к себе.

- Все пройдет, - уговаривает Рико, поглаживая ладонью Диту по волосам. Он не знает иного способа успокоить плачущую женщину, которая еще и упрасивает его остаться, не уходить. В любой другой момент Рико воспользовался бы ситуацией - его не воспитывали монахи и святые, он прошел низы Барселоны, армию и криминал, и давно потерял все те рыцарские замашки по отношению к женщинам, которыми обладал лет в восемнадцать. Но сейчас ему больно даже представлять себе, как он шевелится, просто хочется лечь и отключиться. Он может только догадываться, как больно девчонке. И малодушно благодарит всех богов за то, что не догадывается. - Сейчас станет легче.

Врет, конечно - не станет. Ни сейчас не станет, ни потом. Потом будет еще сложнее и больнее. Потом начнутся будни, и нет ничего страшнее повседневной рутины, убивающей даже то, что могло остаться после воспитательских побоев. Но сейчас надо что-то говорить, чтобы заполнить зудящую тишину, прерываемую только всхлипами, чтобы не казалось так пусто и одиноко. Все ее тело - один сплошной синяк, и Рико опасается причинить еще большую боль, чем она и так есть. И все же ему кажется, что так лучше, чем если бы он просто сидел. Даже если она его укусит. Даже если она еще раз пошлет его к черту, назовет его идиотом, придурком и сволочью, или кинет что-нибудь увесистое в голову.

Оливия Элизабет Хамфри

Кто бы мог подумать, что человека может так сильно разрывать от противоречивых эмоций. Дита думала, что её разрывает от них, когда она просила его остаться. Необходимость близости хоть кого-то дружелюбно настроенного, но в то же время, проявление слабости. И хотя слабость сейчас - её второе имя, всё же где-то в груди скребется острыми коготками гордость. Так вот, то ощущение - ничто по сравнению с тем, что она ощутила дальше. Когда теплая ладонь касается тела и привлекает к

себе. Девушке казалось, что голова у неё вот-вот взорвется от эмоций. А затем, следом за головой, взорвется и всё тело. Иногда даже жалко, что человеческое тело может выдержать так много. И хотя Дита и не переносила ничего по-настоящему ужасного, ей всё равно казалось, что все беды Вселенной взяли и одновременно обрушились на неё.

Дита вздрогнула в самый первый момент. И первым порывом было оттолкнуть и руку, и его самого, отшатнуться, потому что в первое мгновение стало невероятно противно. То ли от прикосновения, то ли от самой себя. Проблема была в том, что Дита до последнего не хотела отпускать ситуацию, не могла расслабиться и полностью погрузиться в блаженные воды поражения, когда нет ни внутренней борьбы, ни стыда или угрызений совести. Но когда ласковая рука гладит по голове, это самое поражение становится самым желанным, что только можно вообразить. По-крайней мере, для неё.

И Дита расслабляется. Делает глубокий вдох, сбитый в середине непроизвольным спазмом легких, и чувствует, как цепкие лапки истерики отпускают её. Даже подвигается чуть ближе, готовая на единственный вечер сдаться и забыть о том, как она должна себя вести и как должна выглядеть. Какая разница, в конце концов? У неё здесь нет ни друзей, ни знакомых, нет кого-то, кто осудил бы её, или, даже если они есть, ей плевать на их мнение, потому что она их не знает. Единственный судья, к сожалению, самый строгий - она сама. Но даже самой себе она ничего не должна, ведь так? Если ей больно и плохо, не обязательно быть кем-то, кем она должна быть. Можно быть кем-то, кем быть удобнее и проще. Это её новое рождение. Возможность быть кем угодно, построить себя с нуля. Возможность, в конце концов. Так Дита утешает себя, гасит остатки гордости, сжимающей горло. Понятие не имеет, насколько долго они сидят так. И так же не имеет понятия, почему он остался и почему сидит с ней. - Почему ты это делаешь? - она упирается ладонями в пол, желая сесть прямо и посмотреть на него. Всё еще больно, но, кажется, пришло время оценить ущерб.

Эль Рико Семпере

Хочется курить. Всякий раз, когда разговор заходит дальше трех стандартных фраз, ему нестерпимо хочется курить, словно это придает ему силы говорить дальше. Но сейчас сигарет с собой нет, идти за ними - так далеко и невыносимо, в соседнюю комнату, или даже еще дальше, и сидит он так хорошо и уверенно, что больные ребра его практически не беспокоят. Кажется, у него начинают сдавать нервы, а ведь он всего лишь несколько месяцев в этом месте, каких-то несколько месяцев, оные растянулись практически на десятилетия. Прошлая жизнь вспоминается с трудом, память плавает в молочном тумане, и изредка какие-то ясные обрывки и огрызки прошлого вылезают наружу. Его память чистая, неподправленная, его собственная, но в этом месте быстро забываешь о том, что когда-то было. Когда у тебя единственная забота - выжить - перестаешь жить прошлым. Оно уже никак не поможет.

Когда она все-таки отстраняется, хочется взять ее за плечи, встряхнуть хорошенько и спросить "Девочка, кто научил тебя быть мужчиной?" По мнению Рико женщины должны быть хрупкими и слабыми созданиями, они должны принимать заботу с покорностью, на которую способны только женщины, они должны...да много чего должны. И еще больше - не должны. В самом деле - почему? Потому что жалко? Это

не очень-то подходящая причина для нее, такой гордой и якобы независимой, но сейчас переломанной напрочь, и слезы застыли на худых бледных щеках. Она выглядит болезненной, истощенной не сколько физическими побоями, сколько эмоциональными переживаниями. Проклятые, таки добились своего. И все же, почему? Потому что приятно чувствовать себя сильнее? Бросьте, Эль Рико давно вырос из этого возраста, оставив пятнадцатилетний и даже двадцатилетний рубеж далеко позади. Потому что он за нее отвечает головой? Вот это уже чуть ближе к правде. Потому что иначе он вновь испытает на своей шкуре, какова цена ошибки? Повторять печальный опыт ему, что примечательно, не хочется. Но и это тоже не самая главная причина. Самая главная причина - в желании чувствовать себя все еще человеком. Знать, что не скатился до уровня обозленного цепного пса, не проявляющего никаких эмоций, кроме всепоглощающей злобы к своему окружению.

Эль Рико устало прикрывает глаза и потирает переносицу, стараясь не касаться даже случайно опухшей скулы. Кровь пульсирует почти в самом глазу, причиняя волнообразную боль - туда-сюда, суда-сюда, туда-сюда, вместе с ударами сердца.

- Потому что хочу оставаться человеком, - вот такой простой ответ. Страшно терять себя, превращаясь в животное, лишённое жалости и той самой человечности, что отличает зверя, загнанного в клетку, от свободного человека. - Я работаю на них, но я - не один из них. И еще потому, что ты попросила.

До судороги в конечностях страшно проснуться однажды и понять, что прежняя жизнь закончилась. Ощутить удовольствие от проделанной работы - восторг от того, что избиваешь ни в чем не повинного ребенка, всего лишь не способного отстоять себя в поединке с другим ребенком. Когда это случится, он сразу же пустит пулю себе в висок.
